

«Старец Пафнутий» П. А. Ефремова как памятник текстологического юмора

В № 16 журнала «Искра» за 1867 г. появилась трагедия в пяти действиях «Старец Пафнутий», принадлежавшая перу Ивана Маслова. Точнее, это была «трагедия в пяти действиях с ассамблеею и танцами, с пытками, казнями, военными эволюциями, большим сражением, конным ристанием, падением стен, пожаром и разрушением целой области» [Ефремов 1976: 301].

В 1868 г. пьеса была перепечатана в изданном «Искрой» пародийном сборнике «Новейший российский театр», включившем также «Проект постановки на сцену» «Старца Пафнутия». Несмотря на насыщенный сюжет, действительно содержащий все вышеуказанные события, существенного внимания в то время пьеса не привлекла, хотя реальная личность, скрывавшаяся под псевдонимом Иван Маслов, была прекрасно известна — под этим именем в журнале в 1865—1869 гг. печатался известный литературовед и библиограф П. А. Ефремов [см.: Масанов 1957: 181].

В научной литературе «Старца Пафнутия» впервые упомянул И. Г. Ямпольский, в специальном исследовании о журнале «Искра» охарактеризовавший пьесу как пародию на изданную незадолго до того трагедию А. Ф. Писемского «Поручик Гладков» [см.: Ямпольский 1964: 426]. В 1976 г. М. Я. Поляков переиздал «Новейший российский театр», включавший оба текста Ивана Маслова, в составленной им антологии русской театральной пародии, снабдив их кратким комментарием, где полностью принял концепцию Ямпольского. При этом некоторые из комментариев Полякова (например, что в пьесе «ссылка на Цицерона и ряд исторических источников носит юмористический характер») указывают на столь очевидные вещи, что невольно напоминают пародийные авторские примечания к самому «Старцу Пафнутию» [см.: Поляков 1976: 785—786].

Л. М. Равич, поначалу охарактеризовавшая пьесу как «библиофильский фольклор» [Равич 1988: 12], позднее высказала предположение, что Ефремов пародирует в «Старце Пафнутии»

не конкретную пьесу Писемского, а псевдоисторические пьесы вообще [см.: Равич 1993: 34]. Наконец, рязанский краевед А. О. Никитин, рассуждая о некоторых исследованиях своих коллег, привел пьесу Ефремова как яркий пример ложной наукообразности как таковой, свойственной многим реальным исследователям [см.: Никитин 2005: 534—538].

Отсылки к «Поручику Гладкову» в «Старце Пафнутии» несомненны. Их выдает уже самое предисловие к пьесе, где Иван Маслов (по причине, которая станет ясна читателю из выводов данной работы, представляется необходимым именовать автора трагедии именно Иваном Масловым) сообщает, что издает свой труд, будучи «ободрен <...> трагедиею <...> от господина А. Писемского сочиненною» [Ефремов 1976: 301]. При этом, по Маслову, он «более приблизился к исторической, называемой, достоверности» и «во изображении карахтиров действующих», поскольку, в отличие от предшественника, «доподлинно из книжек все списывал и даже орфографию списываемого соблюдал» [Ефремов 1976: 301]. Действительно, пьеса Писемского, существенным образом искажавшая исторические факты ради мелодраматического сюжета, но претендовавшая на историзм, напрашивалась на пародию (обзор историографии «Поручика Гладкова» и суждений современников о нем см. в: [Скрынник 2014: 157—158]).

В обоих случаях основное действие происходит в 1740—1741 гг. И у Писемского, и у Ивана Маслова среди героев присутствуют такие важные исторические деятели той поры, как Э. И. Бирон, Б. К. Миних, А. П. Остерман, А. П. Бестужев-Рюмин, французский посол маркиз де ля Шетарди. В обоих произведениях часть действия происходит в Тайной канцелярии, а также на приеме во дворце Бирона; за сценой проходит поезд осужденных на казнь, комментируемый присутствующими персонажами. И там, и там в первом действии на сцене происходит драка, а также исполняется песня. Безусловно пародийны по отношению к Писемскому стиль пьесы и речь героев, которая у Писемского вследствие желания приблизиться к языку XVIII в. отличается усложненным синтаксисом и использованием оборотов «ихний»

и «вчерася-тко» даже в речи кабинет-министра А. П. Волынского. То же можно сказать и о французских и немецких фразах, обильно вставленных в текст «Поручика Гладкова» (так, произнесенная по-французски реплика маркиза Шетарди взята Масловым непосредственно из текста Писемского [см.: Писемский 1958: 344; Ефремов 1976: 311]). Нельзя не согласиться с Поляковым, что именно заявленное в предисловии к трагедии Писемского стремление изобразить «больших людей», «сильные и крупные характеры», а также «борьбу их между собою» [цит. по: Поляков 1976: 785] привело к появлению у Ивана Маслова пояснений, указывающих на «сильные и крупные характеры» непосредственно при их перечислении в списке действующих лиц: так, в полном соответствии с массовыми представлениями о них, Бирон «жесток», Остерман «хитр и лукав», Миних «храбр и осторожен», Андрей Иванович Ушаков «по тайной канцелярии» «угрюм и жестокосерд», его помощник Скорняков-Писарев «добродушен, но жестокосерд», а секретарь ее Хрущов «просто жестокосерд» [Ефремов 1976: 302]. Заставляет вспомнить пьесу Писемского и обилие действующих лиц, чье появление на сцене зачастую не нужно для развития сюжета: у Маслова среди них есть даже «Абскочинский, неведомо кто». В итоге некоторые персонажи обеих пьес произносят одну-две реплики или даже не произносят ничего. Как и в «Поручике Гладкове», изобилующем драматическими сценами пыток и убийств прямо на сцене, у Маслова появляется «застенок, пренеприятного вида комната» [Ефремов 1976: 308]. Можно согласиться с Поляковым, что общее происхождение имеют и отсылки к героям античной истории [см.: Поляков 1976: 785], превращающиеся у Маслова в длинный рассказ Антиоха Кантемира о «Виргилии» [см.: Ефремов 1976: 304].

Наконец, пародийны у Маслова примечания, которыми Писемский, стремясь достичь исторической достоверности, обильно снабдил свой труд в тех случаях, когда персонажи сообщают друг другу исторические факты или когда отмечаются бытовые подробности эпохи. Особенно характерны для «Поручика Гладкова» снабженные ссылками на источники обширные монологи

но и Кантемир — согласно портрету Третьяковского [см.: Ефремов 1976: 303]. Опять же, в отличие от Писемского, Иван Маслов порой тщательно указывает в сносках выходные данные книг, хотя иногда примечания невразумительны до такой степени, что содержат отсылки к некоему «М. д. л. Шет. г. Пекарского» [Ефремов 1976: 311] или лаконичному «Календарь того времени» [Ефремов 1976: 310].

Конечно, между пьесами есть отличия. В «Старце Пафнутии» отсутствует мелодраматический сюжет, построенный вокруг вымышленного поручика, стремящегося взойти на вершину власти, и его невесты. Отличаются место действия конкретных сцен и порядок их следования. Кроме того, если сюжет «Поручика Гладкова» укладывается в 1740—1741 гг., то последнее действие «Старца Пафнутия» развивается во время Семилетней войны, происходившей 15—20 годами позже, и вводит на сцену прусского короля Фридриха Великого, декламирующего собственные сочинения, «на российский язык через господина Василья Майкова предложенные» [Ефремов 1976: 314]. Нам представляется, что замысел «Старца Пафнутия» вообще не сводится к пародии на конкретную пьесу Писемского. Для выяснения реальных целей написания «Старца» необходимо вновь обратиться к анализу того, как автор этой трагедии работает с источниками.

На деле Иван Маслов далеко не всегда соблюдает заявленный им принцип достоверности — едва ли половина всех реплик в «Старце Пафнутии» действительно имеют источник. Исключение составляет только четвертое действие, почти целиком построенное на случайных и не связанных между собой репликах множества действующих лиц, дословно цитирующих разнообразные чужие тексты. Невозможность построить трагедию исключительно на исторически достоверных фразах ясна и из того, что все реплики, служащие для развития сюжета (насколько таковой вообще присутствует в трагедии), Иван Маслов вынужден придумывать самостоятельно. Впрочем, и реплики, содержащие цитаты, редко дословно воспроизводят оригинал, зачастую они дополняются самим Масловым и содержат произвольные купюры и орфографические и грамматические переделки.

«примеч. Петра Ив. Б-ва» [Ефремов 1976: 305], подозрительно напоминающее аналогичные редакторские толкования трудных мест в источниках, публикуемых в «Русском архиве» П. И. Бартенева.

Куда больше досталось будущему издателю «Русской старины» М. И. Семевскому, незадолго до этого издавшему ряд популярных беллетризованных исследований по истории России XVIII в., которые были «проникнуты известной оппозиционностью», но «чужды всякого научного анализа, всякой исторической оценки эпохи», как полагал крупный специалист в области русской дореволюционной историографии Н. Л. Рубинштейн [Рубинштейн 1941: 421]. В этом отношении они напоминали «Поручика Гладкова», в котором исторические факты также искажались ради беллетризации действия и который за свою оппозиционность претерпел немало цензурных мытарств (о попытках прижизненной постановки трагедии Писемского см.: [Скрынник 2013: 79—81]).

В том числе для критики Семевского и появляется в сюжете «старец Пафнутий, раскольник из брынских лесов (великий начетник)» [Ефремов 1976: 302], хотя имя его взято из позднего романа М. Н. Загоскина «Брынский лес». «Великий начетник» внезапно выходит на сцену в финале каждого из пяти действий, чтобы произнести какую-нибудь абсурдную реплику (например, «А я вас светов маих внучка и душечка пато!» [Ефремов 1976: 306] или «Иного способа не видим и вам иного советовать по нынешним позитурам» [Ефремов 1976: 310]), копирующую неверное прочтение источников кем-либо из современных Ефремову исследователей. При этом чередуются ошибки из книги Семевского «Царица Прасковья», содержавшей обильные цитаты из неопубликованных архивных материалов, и из писем царя Алексея Михайловича в издании В. И. Ламанского. В пятом действии старец Пафнутий «вспоминает» опечатку, допущенную при публикации лекций Т. И. Грановского и превратившую древнеримских оптиматов (одно из тогдашних политических течений) в загадочных «антиспатов». За слабую текстологическую подготовку достается и Г. В. Есипову. Именно цитату

Безусловно, перепутал двух Прутковых не Ефремов, а Иван Маслов, не проверивший, что под именем «директора Пробирной палатки» издавались и произведения его «родственников».

Можно сделать вывод, что объекты пародии в «Старце Пафнутии» гораздо многочисленнее, чем принято считать, и что «Поручик Гладков» послужил лишь непосредственным поводом для его написания. Более того, задачи автора не сводились и к стремлению высмеять конкретных беллетристов, искажающих историческую истину, или невнимательных текстологов. Главным героем пьесы выступает сам ее мифический автор Иван Маслов, представляющий собой собирательный образ нерадивого исследователя, который считает главным критерием достоверности труда обильное цитирование предшественников, но не отличает аутентичных материалов от поздних, существенных — от не имеющих отношения к делу, историографии — от беллетристики. Такой исследователь неряшливо цитирует источники, произвольно их сокращая, изменяя и дополняя, пользуется вместо архивных материалов чужими некачественными публикациями и вторичными переизданиями. Он забывает ставить ссылки на использованные книги либо делает это крайне невнятно и с ошибками, зато ссылается на работы, которых не читал, копируя нужные ссылки у предшественников. И, наконец, он серьезно не перепроверяет библиографических данных, довольствуясь ближайшим подручным материалом.

Поэтому жанровая классификация «Старца Пафнутия» должна быть модифицирована. Безусловно, это не столько театральная пародия (и тем более литературная пародия на конкретного автора или текст), сколько образец научного филологического юмора, обращенный в первую очередь к коллегам-специалистам. Не случайно Равич указывает, что Ефремов выступал с чтением своей пьесы на «дуровских средах» — еженедельных собраниях петербургских библиофилов, проходивших в квартире Н. П. Дурова [см.: Равич 1988: 13].

В то же время как театральная пародия «Старец Пафнутий», по-видимому, не достиг цели. По крайней мере, нет никаких данных о реакции на пародию самого Писемского. Почему

же тогда пародия Ефремова была позднее воспринята исследователями в первую очередь как театральная? Вероятно, дело здесь в первую очередь в том, что вскоре она была перепечатана сотрудниками «Искры» в сборнике театральных пародий, включившем к тому же «Проект постановки на сцену» творения Ивана Маслова, совершенно недвусмысленно и однозначно пародировавший аналогичный проект А. К. Толстого — постановки на сцену «Царя Федора Иоанновича» [см.: Поляков 1976: 797] и, таким образом, вводивший масловскую «трагедию в пяти действиях» в сугубо театральный контекст.

СОКРАЩЕНИЯ

Ефремов 1976 — *Ефремов П. А. Старец Пафнутий // Русская театральная пародия XIX — начала XX века. М., 1976. С. 301—315.*

Курукин 2006 — *Курукин И. В. Бирон. М., 2006.*

Лажечников 1979 — *Лажечников И. И. Ледяной дом. М., 1979.*

Масанов 1957 — *Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских ученых, писателей и общественных деятелей: В 4 т. М., 1957. Т. 2.*

Никитин 2005 — *Никитин А. О. Подпоручики Кижэ и старцы Пафнутии рязанского краеведения // Третьи Яхонтовские чтения. Рязань, 2005. С. 534—537.*

Писемский 1958 — *Писемский А. Ф. Пьесы. М., 1958.*

Поляков 1976 — *Поляков М. Я. Комментарии // Русская театральная пародия XIX — начала XX века. М., 1976. С. 765—815.*

Равич 1988 — *Равич Л. М. Собиратели книг в России. М., 1988.*

Равич 1993 — *Равич Л. М. Библиотека П. А. Ефремова и «Дуровские среды» // Библиотеки Петербурга — Петрограда — Ленинграда. СПб., 1993. С. 21—35.*

Рубинштейн 1941 — *Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.*

